

6. Исторические места: бывшее Кинешемское духовное училище и дом родителей маршала в Кинешме осмотрены только внешне. В бывшем училище сейчас учат педагогов, а дом родителей до сих пор сохранился как жилое строение. Фотографии объектов также войдут в новую книгу о маршале.

Благодаря хорошо продуманному плану и большой предварительной подготовке, научная экспедиция была признана весьма удачной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ферапонт (Кашин)*, митр. [Обращение к читателю] // Андрианов Г. В., Белов А. М. Александр Михайлович Василевский: от семинариста до маршала. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-mihaylovich-vasilevskiy-ot-seminarista-do-marshala> (дата обращения: 20.09.2021).

2. Информация о поездке // Телеграм-канал Костромской духовной семинарии. – URL: <https://t.me/seminaria44/805> (дата обращения: 20.09.2021).

3. *Андрианов Г.*, свящ. А. М. Василевский: от семинариста до маршала (интервью порталу «Приходы») // Ипатьевский вестник. – 2020. – № 4(12). – С. 23–63.

УДК 340.12

*Левченков Александр Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
проректор по научной работе и международным связям
ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э. А. Дидоренко»*

*Levchenkov Alexander Ivanovich,
doctor of law, professor,
Vice-Rector for Research and International Relations
of the State Institution of the LNR “Lugansk Academy of Internal Affairs
named after E. A. Didorenko”*

naukalavd@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В РАБОТАХ Е. Н. ТРУБЕЦКОГО

PROBLEMS OF THE SPIRITUAL FORMATION OF THE STATE IN THE WORKS OF E. N. TRUBETSKOY

В статье поднимается и исследуется проблема духовности вообще и непосредственно ее состояние в российском обществе в данное время. Для этого автором изучен понятийный аппарат по данному вопросу и предложено свое определение «духовности», обозначены ее признаки. Кроме этого, исследованы возможности передачи и использования в современных условиях духовного опыта предыдущих поколений. Обращено внимание на такие составные понятия «духовность», как милосердие, совесть, сострадание, справедливость и т. п. мен-

тально присущие русскому народу испокон веков. В статье поднята проблема Церкви, определена ее роль в современном обществе и основное предназначение как носителя и хранителя духовных начал русского народа, служение ему в качестве наивысшего морального авторитета. Сделан вывод, что без возрождения духовности в российском социуме все дальнейшие шаги руководства страны будут значительно затруднены в плане устранения пережитков «общества потребления» и сохранения суверенитета государства. В качестве вспомогательной доказательной базы автором использованы труды выдающегося российского религиозного ученого-правоведа Евгения Николаевича Трубецкого и других его современников.

The article raises and explores the problem of spirituality in general and directly its state in Russian society at this time. To do this, the author has studied the conceptual apparatus on this issue and proposed his own definition of “spirituality”, its signs are indicated. In addition, the possibilities of transmitting and using the spiritual experience of previous generations in modern conditions are investigated. Attention is drawn to such composite concepts of “spirituality” as mercy, conscience, compassion, justice, etc. mentally inherent in the Russian people from time immemorial. The article raises the problem of the Church, defines its role in modern society and its main purpose as a carrier and guardian of the spiritual principles of the Russian people, serving them as the highest moral authority. It is concluded that without the revival of spirituality in Russian society, all further steps of the country's leadership will be significantly hampered in terms of eliminating the remnants of the “consumer society” and preserving the sovereignty of the state. As an auxiliary evidence base, the author uses the works of the outstanding Russian religious legal scholar Evgeny Nikolaevich Trubetskoy and his other contemporaries.

Духовность, дух, исторический опыт, церковь, человечество, личность, государство, общество, мораль.

Spirituality, spirit, historical experience, church, humanity, personality, state, society, morality.

Отличие современных исторических событий состоит в том, что мы не знаем, к чему они приведут. Оглядываясь назад, возможно понять смысл произошедшего и увидеть, какие последствия они за собой повлекли. Но история, происходящая у нас на глазах, – для нас не история. Она ведет нас в неведомые дали, и лишь изредка мы можем на мгновение увидеть, что находится впереди. Дело бы обстояло иначе, если бы людям было дано пережить те же события вторично, обладая полным знанием того, что они постигли ранее. Насколько иными все более важными для нас, а зачастую и тревожными, показались бы едва заметные сейчас изменения, происходящие в мире и в стране. Быть может, это даже к лучшему – то, что нам не дано этого испытать и мы не знаем точно до сих пор, каким законам подчиняется историческое развитие нашей цивилизации.

И все же, хоть история никогда полностью не повторяется и как раз благодаря этому ни один путь развития человечества, государства, социума не является абсолютно неизбежным. Исходя из прошлого, мы можем в какой-то мере избежать повторения одного и того же негативного процесса, трагических событий, существенных ошибок.

Сегодня, чтобы сознавать приближение надвигающейся на нас опасности, не надо быть оракулом – мир вновь вошел в зону турбулентности и нового глобального перераспределения сфер влияния между ведущими государствами и центрами силы.

Но тем не менее эффективное использование сочетания исторического опыта и искренней заинтересованности ученых может позволить увидеть подлинную или близкую к ней картину мира и предвосхитить нежелательные и опасные тенденции, угрожающие как человеческой цивилизации в целом, так и отдельным государствам, в том числе и России.

Говоря об историческом опыте и его передаче в конечном итоге, мы приходим к достаточно печальному и известному выводу – мало кто учится на чужих ошибках, как правило, все учатся на своих. При этом духовный опыт – это особый социальный опыт, наиболее сложно передаваемый и используемый в иных исторических рамках и условиях.

По этому поводу в свое время очень четко высказался Е. Н. Трубецкой. В частности, он писал следующее: «...никакой человеческий опыт не включает в себе полноты» не исключает возможности ошибочных суждений. Чужой опыт так же, как и наш собственный, не снимает с нас обязанности судить и испытывать всякое утверждение, кем бы оно не высказывалось. Ибо в основе такого суда лежит религиозная интуиция, которая превышает всяческий человеческий опыт – интуиция полноты божественного [2, с. 251].

Однако, – развивает свою мысль ученый далее, – наше умственное око интуиции затуманено грехом и не всегда видит ясно, а совесть наша далека от чистоты сердца. Поэтому и для интуиции, и для совести нашей требуется проверка [3, с. 254].

Но есть и неопровержимый и бесспорный исторический опыт на ряду с подобными – это порочность идеи мирового господства, какого бы происхождения она ни была, и кто бы не являлся персонально ее носителем и реализатором и под каким лозунгом она бы не осуществлялась и не пропагандировалась сегодня: «С нами Бог, богоизбранная нация», «Пролетарии всех стран объединяйтесь», «Америка превыше всего», «Украина превыше всего» и т. п.

Все аналогии и параллели относительно различия путей развития разных стран, несомненно, обманчивы и неточны. Но несмотря на это можно предотвратить наступления этих опасных и даже трагичных для человечества последствий, если люди (политические национальные элиты, в первую очередь) смогут вовремя увидеть и осознать, к чему может привести то, что они делают исходя из узкокорыстных интересов и другой негативной мотивации.

До недавнего времени значительная часть населения России, особенно ее либеральная интеллигенция, не осознавала, не видела такой опасности и не хотела ее видеть, прикрываясь потерпевшей историческое и моральное поражение доктриной «над схваткой». Но сейчас наступил момент для полного, искреннего и всестороннего исследования и обсуждения этой проблемы. Дело не только

в том, что теперь серьезность ее признается практически не только властными структурами государства, но и широкой общественностью, что заставляет нас в существующей сегодня ситуации взглянуть правде в глаза и определиться со стороной, с которой мы сегодня будем?

Взявшись за исследование данной темы, мы сразу же столкнулись с серьезными трудностями, в плане определения основного понятийного аппарата.

Оказалось, что вразумительного определения понятия «духовность», в научной, специальной или духовной литературе нет, а те, которые присутствуют, нас не устраивали по многим причинам, это, во-первых. Во-вторых, в большинстве справочников и словарей это определение давалось с приставкой «устаревшее». То есть в советских и постсоветских источниках оно дается как «устаревшее» в прямом и переносном смыслах. И для этого есть веские основания. В советское время на щит поднималась только пролетарская, а затем социалистическая духовность резко противоположная духовности религиозной, но и «общество потребления», навязанное нам Западом в 90-е годы прошлого столетия не принесло нам всплеск духовности в ее глубочайшем понимании и сакральном содержании, и которая априори не могла крепко прижиться на славянской почве, как и само «общество потребления», в основе которого доминирующими являются материальные, а не духовно-моральные приоритеты и ценности. Гипертрофированный индивидуализм, деньги, карьерный рост за счет унижения и подавления своего ближнего, агрессивность – животные инстинкты – вот его визитная карточка.

Более ста лет тому назад о недостатках западной цивилизации Е. Н. Трубецкой писал следующее: «Человек, который равнодушно относится к одичанию человеческого общества, к превращению людей в стадо хищных зверей, – тем самым доказывает полное отсутствие любви к ближнему» [1, с. 296].

«Быстрый рост материального благополучия, – продолжает ученый, – всюду оказал на человеческую душу одно и то же отрицательное влияние. Он усыпил духовную жизнь. Сладкая мечта о земном рае, иные одурманивания демократической массы, первоначально выросли на почве сытости и довольства. Роковая причина этого – угасание человеческого духа».

При этом говоря о высокой существующей и потенциальной духовности русского народа, он одновременно подчеркивает, что «в духе русского народа вместе с высокими идеалами добра, правды и справедливости уживается и «воровской идеал» – мечта о богатстве, которое само собой валится в рот человеку без всяких с его стороны усилий» [1, с. 391–394].

По его мнению, крушение материального благополучия одновременно становится стимулом для духовного возрождения: сытое довольно часто ведет к полному угасанию духовной жизни. Наоборот, страдания выковывают силы духовные, разочаровавшись в материалистических упованиях люди испытывают тоску по утраченным святыням [1, с. 408]. Ученый уже тогда видел и пони-

мал, что общество, построенное только на принципах материальной корысти, обогащения любым путем и, не признавая «маленького» человека личностью, рано или поздно потерпит исторический и цивилизационный крах.

Нельзя составить государство из людей, для которых встретиться – значит пожирать друг друга. Для государственности нужно очеловечивание общества, нужна сила, которая подняла бы людей над материальными интересами: нужно, чтобы им открылась область чистых бескорыстных побуждений и для этого необходим тот могущественный духовный подъем, который не боится мучений [1, с. 409], – неоднократно подчеркивал известный правовед.

Евгений Николаевич Трубецкой считал, что государственное, и общественное строительство возможны лишь при условии: должны быть восстановлены духовные основы разрушенного общества. Пока это не сделано – бессильны и политика, и оружие: всякое общественное строение обречено на разрушение, кто бы его не строил – Учредительное Собрание, директория или единоличная власть директора. Восстановление духовного единства нации осуществляется не законодательными и административными мерами, а внутренним жизненным процессом, который совершается в душе народной [2, с. 403].

Возвращаемся к определению понятия «духовность». Ни у А. С. Пушкина, ни у В. И. Даля нет конкретного и четкого определения «духовности».

В. И. Даль писал: «*духовный*» – бесплотный, нетелесный, из одного духа и души состоящий; все относящееся к Богу, церкви, вере, к душе человека, все нравственные и умственные силы его, ум и воля. Духовное родство пуше плотского. Он считал, что понятия «дух» и «душа» настолько близки, что их в отдельности рассматривать нельзя. Ученый писал по этому поводу следующее: «Дух и душа отделены здесь (в словаре) в разные статьи только для удобства изыскания производных» [3, с. 503–504].

А. С. Пушкин, по сути, также говорил об этом: «*духовный*» – нематериальный, относящийся к умственной, душевной жизни человека [4, с. 736].

Дух – Душа, сознание, творческие способности [4, с. 733].

Человек высокой духовности – человек, обладающий определенными душевными качествами и свойствами.

Говорить от души – искренне, от чистого сердца [4, с. 738].

Делать для души – для удовлетворения своей духовной потребности.

Душевно – с душой, духовно.

У человека – силы телесные и духовные [4, с. 740].

Духовность (устарев.) Д. С. Ушаков трактовал в своем обширном словаре, как отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа [5, с. 187].

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что «*духовность*» – это *душевно-нравственная и умственная природа и сущность человека, противоположная его материальной, физической и телесной сущности.*

Духовность – объединяющая и цементирующая основа любого общества, выражающаяся в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированных,

как правило, в религиозных учениях и практиках, в художественной литературе и искусстве.

В индивидуальном сознании и повседневной жизни человека духовность непосредственно связана и проявляется как его *совесть*, моральные качества.

Виктор Франк считал духовность высшим антропологическим измерением личности, которое он ставил выше ее физической и эстетической составляющих.

Говоря о *духовности*, на наш взгляд необходимо обратить внимание на следующее:

- формы ее проявления (существования);
- это массовидное или индивидуальное явление (масштаб и глубина);
- духовность как процесс;
- духовность не может рассматриваться как среднестатистическое явление;
- необходим ее конкретный срез на каждом этапе историческом развитии, особенно в переломные для народа, нации, государства периоды и т. п.;
- динамика явления, скорость и особенности протекания этого процесса (как возрастание, так и угасание ее);
- закономерности и особенности формирования, существования и проявления духовности в конкретно-исторический период;
- возможность или невозможность преемственности духовных процессов и форм их проявления;
- соотношение формы и содержания (сравнительный анализ);
- причины роста и падения духовности.

В итоге, напрашивается вывод, что духовность предполагает милосердие, любовь к ближнему, сострадание, приоритет моральных ценностей над материальными. Естественно, что такой подход к содержанию понятия «духовность» – несовместим с требованиями и ценностями «общества потребления», в котором мы сегодня живем и животные («звериные») законы которого нам были навязаны 30 лет назад западными идеологами типа З. Бжезинского и А. Киссинджера. На преодоление этого состояния уйдут годы и десятилетия, но без этого говорить о перспективах российской государственности достаточно сложно. Трудно утверждать, что сегодня российское общество и особенно его элиты «чувствуют чужую боль, как свою собственную». А это, по словам Виктора Астафьева, является высшим и зримым проявлением духовности человека. Е. Н. Трубецкой неоднократно подчеркивал, что все слои российского общества (хозяева и рабочие, землевладельцы и земледельцы и т. д.) могут составить жизнеспособное целое только на основе *духовного единства*, «которое возвышается над противоположными их экономическими интересами» [1, с. 402].

Теперь несколько слов о Церкви и ее роли в прошлой и нашей теперешней жизни. Церковь, кроме всего того, что они о ней в свое время писали лучшие духовные и светские умы человечества, в том числе князь Е. Н. Трубецкой, должна быть, в первую очередь, *моральным авторитетом* и последним убежищем маленького человека, гонимого социумом, который, не находя правды и

справедливости в светской власти, апеллирует к самой высшей существующей в мире инстанции – к Богу.

«Все общественные связи у нас держались связями религиозными. Когда эти последние ослабели, человек человеку стал волком и все общественное здание рухнуло», – писал в 1919 году Евгений Николаевич [1, с. 260].

После революции 1917 года, по его мнению, вся жизнь стала безбожной – и частная, и государственная – во всех человеческих отношениях господствует один и тот же нравственный кодекс последовательного и беспощадного каннибализма [1, с. 261].

Церковь ненавистна для действующей власти, потому что она возвещает закон иной жизни и воспрещает людям глотать живьем друг друга [1, с. 266], – писал он далее. Анализируя далее эту проблему, Е. Н. Трубецкой пишет, что сегодня мы видим, с одной стороны, – сгустившуюся над миром тьму, а с другой стороны – усилившиеся религиозные искания, в которых уже чувствуются задатки положительного откровения. С одной стороны, массовое озверение, с другой стороны, духовный подъем: страдания выковывают духовные силы [1, с. 273–274].

По его мнению, как это не звучит парадоксально, русская революция, при всех своих отрицательных результатах, принесла пользу только Церкви, ибо способствовала ее духовному росту. Она освободила Церковь от мирского плена, несмотря на то, что рухнуло ее внешнее благополучие [1, с.286].

За обозримые годы нашей с вами истории (досоветской, советской и постсоветской) Церковь была:

- а) в государстве (по сути, структурным элементом его механизма);
- б) рядом с государством;
- в) вне государства (в оппозиции к нему).

Как показал исторический опыт и показывает сегодняшней, первый вариант в конечном счете являлся наиболее нежелательным и срабатывал, в конечном итоге, против нее. Когда она шла в фарватере политики светского государства, то она не могла судить и высказываться против неблагоприятных действий существующих властных институтов. Церковь, обретая материальное, теряла главное свое предназначение в глазах большинства населения страны – переставала быть высочайшим нравственным авторитетом.

Христианские традиции вечны. Современное российское православие должно нам предложить и стать носителем такого видения мира, состояния духовности, которое располагает человека к терпимости и милосердию, к подавлению в нем животных инстинктов, гипертрофированного индивидуализма и отказа от основополагающих ценностей и «общества потребления» – стремления только к материальному благополучию за счет унижения и ущемления интересов других граждан, утери нравственных приоритетов и ориентиров и т. п. Христианская религия в этом случае должна стать инструментом освобождения от всех форм унижения и подавления человека другим человеком, стать орудием построения государства, базирующегося на принципах справедливости, мира, милосердия и гуманизма.

Сегодня российское православие – это «душа бездушного мира».

Без возвращения к основам христианской этики (при всех ее недостатках) чего-то большего и авторитетнейшего у нас сегодня ничего нет, без этого России не подняться и не возродиться или на это уйдут десятилетия и столетия.

На основании вышеизложенного можно сделать несколько неутешительных выводов.

1. С духовностью в наши дни дело обстоит неважно, потребуются годы и целенаправленная повседневная работа всех здоровых сил общества для ее возрождения и устранения препятствий в этом направлении, порожденных «обществом потребления» (многовековую историю имеют те государства, для которых было характерным наличие мощных морально-нормативных регуляторов и высокой духовности).

2. Без духовной основы, объединяющей народ, нацию, государство в одно жизнеспособное целое, любые планы построения такого общества обречены на провал, в конечном итоге (духовное объединение России даст и необходимый социальный ресурс действующей власти).

3. Еще проблематичнее обстоит дело с внедрением элементов духовности в право, так как право есть, в первую очередь, категорией политико-юридической, а духовность – нравственно-религиозной.

Можно говорить о частичном положительном решении этого вопроса, только в плане появления элементов духовности у лиц, осуществляющих правотворческий и правоприменительный процессы, их духовного обогащения и нравственного роста (надеяться на скорые результаты в этом деле не стоит, но иного пути человечество пока не выработало).

4. Для того чтобы это все состоялось, необходимо коренное нравственное переформатирование всего российского и мирового социума в этом направлении – обретении духовности.

Еще раз повторюсь и скажу словами К. Маркса – необходимо попытаться решить старую задачу и «внести душу в этот бездушный ми». Это и будет началом всех начал и залог нашего дальнейшего успеха.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Трубецкой Е. Н.* Избранное. – М. : Канон, 1995. – 475 с.
2. *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. – М. : Республика, 1994. – 432 с.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка. В 4 т. Т. 1. – М. : Русский язык медиа, 2007. – 697 с.
4. Словарь языка Пушкина. В 3 т. Т. 1. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1965. – 806 с.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940. – 864 с.